

12. **Пропп В.** Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) В. Пропп // Семиотика: Антология / Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп.- М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 453-471

13. **Токарев С. А.** Ранние формы религии / С. А. Токарев. - М.: Политиздат, 1990.- 662 с.

14. **Фрейденберг О. М.** Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. - М.: Гл. изд-во восточ. лит-ры, 1978. - С. 27

15. **Шрейдер Ю.А.** Логика знаковых систем: Элементы семиотики / Ю.А. Шрейдер. - Изд.2-е. М.: Едиториал УРСС, 2010, - С. 64

16. **Юнг К. Г.** Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005 - 400 с.

17. **Gonda J.** Vedic Literature. A History of Indian Literature. Band 1. / J. Gonda. - Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. - 463 p.

УДК 122

Ю. А. Мелков

ИЕРАРХИЯ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ: ПРЕДЕЛЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

Цілі та цінності людської життєдіяльності становлять собою складну ієрархічну систему, найвищим щаблем якої виступають ідеали як уособлення водночас кінцевої мети діяльності в цілому та фундаментальної цінності, що визначає процес цілепокладання щодо нижчих рівнів ієрархії. Засвоєння людською особистістю соціальних цінностей покладає межу їх стихійній самоорганізації, але завдяки усвідомленню ідеалів уможливорюється подальша самоорганізація цілей та цінностей в якості постійної апроксимації ідеального рівня як граничної детермінанти життєдіяльності.

Ключові слова: цілі, цінності, ідеали, цілепокладання, самоорганізація, аттрактор.

Цели и ценности человеческой жизнедеятельности образуют собой сложную иерархическую систему, высшим уровнем которой выступают идеалы как воплощение одновременно конечной цели всей деятельности и фундаментальной ценности, определяющей процесс целеполагания на низших уровнях иерархии. Освоение человеческой личностью социальных ценностей полагает предел их стихийной самоорганизации, но благодаря осознанию идеалов становится возможной дальнейшая самоорганизация целей и ценностей в качестве постоянной аппроксимации идеального уровня как предельной детерминанты жизнедеятельности.

Ключевые слова: цели, ценности, идеалы, целеполагание, самоорганизация, аттрактор.

The goals and values of human life and activity constitute a complex hierarchical system, its highest level presented by the ideals as embodiments of both the final goal of the whole activity and the fundamental value that defines the goal-setting on lower hierarchy levels. Human personality mastering social values provides a limit for their spontaneous self-organization, but the recognition of the ideals still enables further self-organization of goals and values as continuous approximation of the ideal level as the ultimate determinant of the life-activity.

Keywords: goals, values, ideals, goal-setting, self-organization, attractor.

© Ю. А. Мелков, 2012

Проблематика целей и ценностей во все времена принадлежала к наиболее стойким и популярным темам философских исследований. Особое звучание этой темы в современном мире, в эпоху глобальных рисков и катастроф объясняется как задачей осмысления перспектив и тенденций развития человечества в целом, так и тем обстоятельством, что ценностно-смысловой универсум каждой отдельной человеческой личности становятся всё более весомым фактором в деятельности социальной, включая и деятельность познавательную. Актуализация последнего момента ещё более подчёркивается развитием концепции постнеклассического типа научной рациональности, в котором познающий субъект впервые обретает всю полноту своих человеческих качеств, отображающихся и собственно в результатах научного познания.

Ещё в 1960–70-е годы, когда вопросы соотношения науки и нравственности из предмета мировоззренческих споров «физиков» и «лириков» превратились в целиком респектабельное направление теоретизирования, в философской мысли – по крайней мере, в отечественном её

варианте, – выделились в качестве основных два, казалось бы, резко отличных друг от друга определения цели: как стремления саморегулирующейся системы повысить уровень своей организации – и как идеальный образ будущего результата некоторой человеческой деятельности. При этом, как в кибернетическом или синергетическом («аттрактор»), так и в деятельностном («цель – средства – результат») подходе, на мой взгляд, преобладало и преобладает линейное представление о сущности цели и о причинах, приведших к её формированию. Иными словами, налицо некоторая недооценка диалектического рассмотрения цели – в её историческом аспекте, как процесса целеполагания, в её связях с иными целями и ценностями человека, – то есть, того рассмотрения, которое всегда было характерно для представителей киевской школы философии XX в, таких как В. П. Иванов, П. В. Копнин, С. Б. Крымский, В. И. Шинкарук и в особенности А. И. Яценко и его ученики (В. П. Загороднюк, А. Н. Лой, Н. Ф. Тарасенко), работы которых и составляют *методологическую базу* предлагаемого исследования. В этом отношении, эвристичным представляется соотнесение философской проблематики целей с современной теорией самоорганизации, благодаря которому, как можно было бы продемонстрировать, указанные два аспекта понимания цели утрачивают присущую им на первую взгляд отстранённость друг от друга. Таким образом, *целью данной статьи* является философское исследование феномена целей и ценностей с точки зрения их природы и путей становления, включая возможности и пределы их самоорганизации.

Как отмечает И. С. Добронравова, среди всех видов причинности, выделявшихся ещё Аристотелем, в поле зрения классической науки, начиная с физики Нового времени, попадал лишь один – причина действующая. И хотя в настоящее время, с развитием науки XX века, со становлением синергетики и других программ постнеклассических исследований, лапласовский детерминизм, вытекающий из абсолютизации такого рода причин, наконец-то преодолевается, сам вопрос о причинности остаётся нерешённым: «Общепринятой концепции детерминизма в философских основаниях синергетики пока нет, хотя и естественнонаучные и философские предпосылки для адекватного понимания причин самоорганизации... уже налицо» [4, с.214]. Идея о возможности представлять спектр аттракторов развития самоорганизующейся системы в качестве «спектра целей», что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос и о «новой телеологии» современного естествознания, высказывалась и Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмовым в их классической работе по теории самоорганизации [7, с.88] – хотя дальнейшая разработка этой идеи в философском отношении не проводилась. Такая разработка, на мой взгляд, должна предполагать, прежде всего, прояснение самого понятия цели, в особенности, в плане его соотнесения с феноменом ценности.

Последнее из этих понятий является не менее многозначным, нежели первое. С возникновением и развитием аксиологии как особой философской дисциплины, посвящённой исследованию ценностей, оказывается, что в аксиологическом отношении, по словам В. П. Загороднюка, «все феномены человеческого мира представляют собой определённые цели и ценности, которые должны соотноситься с «высшим предназначением» человека» [5, с.7]. Вместе с тем, на мой взгляд, такое обстоятельство не столько проясняет, сколько запутывает статус понятие ценности – и его связь с термином «цель». Ведь, по сути дела, именно подобного рода «высшее предназначение» оказывается собственно и конечной целью, и предельной ценностью одновременно, в то время как все прочие явления наделяются статусом «целей и ценностей» только в силу своего отношения к этому «высшему предназначению» – другими словами, они могут быть представлены скорее как средства для достижения этой высшей цели. А потому можно понять и тех мыслителей, которые критикуют аксиологический подход как, по выражению казахской исследовательницы А. К. Абишевой, бессмысленную и бесплодную «перерегистрацию» всех вещей реального мира в качестве ценностей. Ведь ценностью может быть только «то, чего люди хотят ради него самого, а не ради чего-то другого» [1, с.140], – то есть, всё та же искомая цель «высшего предназначения человека».

Пожалуй, это противоречие между ценностью в двух смыслах этого слова, – как высшей самоцели и как ряда соотносящихся с этой самоцелью явлений, которые являются ценными уже/только в силу этого соотнесения, – следовало бы рассматривать именно с точки зрения подчинённого характера последних. Другими словами, занимаясь исследованием природы целей и ценностей, мы приходим к постановке вопроса об *иерархическом характере* соответствующих феноменов. Можно привести здесь хрестоматийный средневековый пример с тремя строителями из города Шартра, которых спросили о том, чем они занимаются: первый ответил, что возит кирпичи, второй объяснил, что зарабатывает себе на хлеб, а третий рассказал, что строит собор... Три виде деятельности – и три цели, казалось бы, различные, но, при более внимательном рассмотрении, выстраивающиеся в определённую иерархию. Задача «перевезти тяжелую тачку с кирпичом из точки А в точку Б» служит достижению некоторой иной цели – в

качестве таковой может выступать и исполнение указания начальника, и способ заработать на хлеб и накормить свою семью, но так же и более универсальная цель: сооружение собора. Таким образом, цели трёх шартрских рабочих выстраиваются между собой в некоторую иерархию: от элементарной к наиболее общезначимой.

Гораздо более проработанную иерархию целей и ценностей выстраивает современный американский философ немецкого происхождения Николас Решер, выбирая в качестве примера и материала современную врачебную практику. Так, первым и наивысшим уровнем ценностей оказывается цель и конечный результат всей деятельности в целом – в данном случае, «здоровье». На втором уровне располагается руководящий принцип или регулятивная идея деятельности – в частности, стратегия лечения данной конкретной болезни. Следующий уровень обозначается как «тактика» и включает в себя нормы, стандарты и критерии, более частным образом определяющие распознавание симптомов болезни и правила её лечения. Четвёртый уровень составляют правила конкретных процедур – например, проведения хирургических операций. Наконец, самым низким, пятым, оказывается уровень инструкций, того, что Н. Решер называет «рационально гарантированными предписаниями» – уровень частных указаний для пациента, чего-то на манер «двадцати капель перед едой» [см.: 16, с.29-32].

Введение такой иерархии целей и ценностей позволяет с большей определённости провести диалектическое различие абсолютного и относительного в этике – Н. Решер даже сравнивает подобного рода структуру с «иерархией истин» в католическом богословии: мораль является абсолютной и универсальной для всех рациональных агентов на уровне основных принципов, которые конкретизируются и обретают способность к различению уже на более контекстуальных уровнях, связанных с отдельными социальными общностями [см.: 16, с.141-144]. Мы не можем, таким образом, утверждать, подобно Л. Д. Троцкому, о существовании морали «нашей» и морали «не нашей», не впадая при этом в релятивизм и не устранив в качестве закономерного побочного следствия из такого рода утверждений саму возможность существования какой бы то ни было морали, по самой природе своей, по самому определению своему требующей статуса универсальности и общезначимости. Соглашаться или не соглашаться мы можем уже относительно более «низких» уровней ценностей – относительно того, что касается уже не морали, а этоса, как нравственности, соотносённой с отдельной социальной группой [см.: 11].

На мой взгляд, рассмотрение человеческих ценностей с точки зрения их иерархии позволяет кроме того и более точно проследить диалектику собственно целей и средств: в узком философском смысле ценностью и самоцелью является только первый уровень иерархии – в данном случае, здоровье, как некоторое предельное основание человеческой деятельности. Вообще говоря, задачей философии, в одном из наиболее удачных её определений (данном В. С. Стёпиным в «Новой философской энциклопедии») оказывается именно рефлексия относительно таких предельных универсальных оснований. С точки зрения философии киевской школы, такое определение, безусловно, правомерно – с тем уточнением, что предельным основанием деятельности является *идеал*.

По определению А. И. Яценко, чьи исследования идеалов и их места в процессе целеполагания до сих пор остаются парадигмальными в отечественной мысли: «Идеал – это мысленный образец совершенства, норма, к которой следует стремиться как конечной цели деятельности. Поэтому он определяет направленность, способ и характер поведения субъекта, им руководствующегося. В различных сферах человеческого бытия формируются представления о высшем совершенстве, которое выступает как образец и конечный ориентир деятельности» [15, с.153]. В отличие от классического кантовского понимания идеала как чего-то заведомо недостижимого, представители киевской школы философии, начиная ещё с П. В. Копнина, настаивали на его принципиальной реальности и достижимости: идеал понимается здесь не как запредельная «вещь в себе», а как процесс, как движение вперёд, как осуществление своей собственной аппроксимации – и в то же время как своё постоянное обновление и уточнение [см.: 8, с.275]. Каждое достижение этого процесса оказывается пусть и поэтапной, но реализацией идеала, выступающего воплощением единства цели и ценности; по словам В. И. Шинкарука, идеал оказывается «идеально-реальным предметом человеческих чувств; в его реализацию человек вкладывает энергию, ради него способен идти на любые испытания» [14, с.31].

Такая точка зрения, как это может показаться, несколько противоречит более традиционному пониманию соотношения целей и ценностей, в частности, озвучиваемому В. С. Стёпиным: поскольку цель есть идеальный образ будущего результата деятельности, то она отвечает на вопрос «Что?», в то время как ценность служит ответом на другой вопрос «Для чего?». Цели и ценности, таким образом, будучи взаимосвязаны, всё же различаются между собой по своей сущности: ценность призвана определять «дерево целей» – то есть, совокупность цели, которые мы можем перед собой ставить, исходя из нашей приверженности некоторым ценностям

[см.: 12, с.41]. Однако, по моему мнению, это различие лишь подчёркивает необходимость осмысления понятий целей и ценностей посредством их иерархизирования: наивысшая ступень иерархии – идеал, – будучи высшей ценностью, оказывается одновременно и конечной целью, подлежащей реализации, – предельной духовной детерминантой человеческой деятельности, определяющей и цели, и ценности более низких уровней.

Остальные уровни конституирования целей оказываются средствами для достижения идеала – высшего единства цели и ценности; однако, в то же самое время, по отношению, например, к уровню «тактическому», «стратегия» второго уровня также оказывается своего рода целью – и так далее, в плане взаимоотношений всех остальных уровней целеполагания. Возвращаясь к диалектике абсолютного и относительного – с позиций иерархического осмысления целей и ценностей, действительно, нетрудно прийти к выводу, что все существующие разногласия относительно этих сложных феноменов, столь многообразных в нашем современном мире, могут быть разрешены посредством постепенного восхождения на всё более высокие уровни целеполагания, соответственно, характеризующие всё более и более широкие слои личностной идентификации.

Разумеется, с этой теоретической, а в чём-то и довольно абстрактной позиции может показаться, что обращение к идеалу «решает все проблемы» в худшем смысле неправильно понятого гегелевского или марксистского философского метода, диалектики как «универсальной отмычки». На деле, конечно же, всё обстоит далеко не так радужно. Но основная причина тому, на мой взгляд, – не наличие высших, идеальных уровней ценностей как предельных детерминант целеполагания, а напротив, их непроявленность, их скрытость от нас за туманом целей более частных, более приземлённых. Повторю, что выявление этого скрытого уровня идеального является, собственно, задачей философии. Такое выявление выступает, прежде всего, как превращение неявных целей в осознанные, как полагание предела самоорганизации целей в рамках социальных сообществ посредством их освоения конкретной человеческой личностью как ультимативным субъектом целеполагания и субъектом нравственного императива. С. Б. Крымский в этом контексте часто ссылался на В. Ф. Эрна: философия не открывает истину, не изобретает её, но она первая указывает на неё как на истину, она первая поклоняется ей, как волхвы пришедши поклонились новорожденному Христу [см., напр.: 9, с.234]. Но поскольку в настоящее время рефлексия редко возвышается до уровня идеалов, то в качестве предельно осознаваемых целей часто оказываются, по сути дела, средства для достижения целей действительно-идеальных, целей-самоценностей в философском понимании этого слова.

Здесь, правда, следует уточнить: постулирование существования высшего идеала не противоречит многообразию форм человеческой жизнедеятельности. То, что является высшей ценностью и идеалом в одном конкретном виде практики, вовсе не обязательно сохраняет свой статус при перемене контекста рассмотрения. Так, «здоровье» как наивысшая ценность, определяющая постановку целей более низкого уровня, и одновременно как конечная цель всей врачебной деятельности вовсе не обязательно остаётся такого же рода самоценностью за пределами этого конкретного вида деятельности. Вспомним, например, преподобного отца Киево-Печерской Лавры Пимена Многоболезненного, всю жизнь тяжело болевшего и при этом молившегося о том, чтобы не выздороветь: нетрудно определить, что его идеалом была святость, а болезнь выступала именно средством достижения этого идеала – а вовсе не здоровье как противоположность болезни, способное быть средством для достижения многих, более мирских конечных целей жизнедеятельности. Кстати говоря, и А. И. Яценко в своё время замечал, что философу полезно болеть – опять-таки, для того, чтобы туман мелких жизненных забот не отнимали у него стремления и способности распознавать более высокие ценности и поклоняться таковым...

Впрочем, вернёмся к ситуации современности, практически лишённой философски-идеального измерения. Ещё почти сто лет назад Н. А. Бердяев имел все основания сетовать на то, что жизнь утрачивает смысл, превращаясь в самоцель: «всё ради жизни», – провозглашает своё кредо обывательское сознание, а для чего сама жизнь – это-то и оказывается непонятным. В настоящее же время общезначимыми ценностями оказываются скорее уже собственно средства для жизни вообще – такие как деньги или то же здоровье. Отказ от выхода на уровень идеального измерения можно проследить практически в любой современной сфере человеческой деятельности. А. К. Абишева даже приходит к выводу о том, что все кризисы, с которыми сталкивается сегодня человечество, – экологический, экономический, политический и др., – являются следствием кризиса ценностей: «Духовный, т.е. ценностный кризис тем отличается от всех других кризисов, что здесь человек как бы потерял самого себя, то, с чем он себя идентифицировал, вернее, то, что является для него ценностью, это и есть он сам в его

глубинном существе, и, потеряв которое, как бы впору уже покончить с этой жизнью, ставшей пустой, лишённой сути своей» [1, с.143].

Проблема здесь заключается именно в утрате идеала – не в том, что человек вообще перестаёт ставить себе цели или воспринимать что-либо как собственные ценности, а в том, что в роли последних выступают, как правило, только ценности низших уровней иерархии. Опасность, которая проистекает из такого положения вещей, можно охарактеризовать сразу в нескольких аспектах. Во-первых, кругозор становится крайне узким, а мировоззрение – близоруким. Тактика без стратегии, а стратегия без осознания конечной цели-ценности всей деятельности способны приводить к совершенно непрогнозируемым результатам. Такое положение дел представляет собой отказ от освоения, от осознания ценностей и «шаг назад» на уровень господства того неявного коллективного целеполагания, которое было характерным, как доказывает В. П. Загороднюк, для первобытного рода и при котором цели выступают в качестве всеобщей потребности и непосредственного общего интереса без чёткого определения, обоснования и осознания [5, с.17]. Возвращаясь к приведённому старинному примеру с тремя строителями: доставлять тачку с кирпичами из одной точки в другую, особо не задумываясь над целью такого рода перемещения отдельно взятого твёрдого тела, конечно же, можно, – но никакого осмысленного конечного результата этот труд ещё не гарантирует, являясь трудом нечеловеческим, сводя функции человека к роли машины или бессмысленного животного. Точно так же, зарабатывать себе на жизнь можно самыми различными способами – и строя собор, и разрушая его: концентрация внимания только на этой, обывательски-материальной стороне дела также вряд ли будет способствовать развитию человеческой личности и всей культуры, как духовной, так и материальной. Полное сведение целеполагания к самоорганизации, а целей и ценностей – к системным аттрактором, по сути дела, отрицает человеческое в человеке.

Тем более, что, во-вторых, с точки зрения упомянутой диалектики абсолютных и относительных целей и ценностей, в ситуации забвения (или умалчивания) уровня высших идеалов, утверждается приоритет частного и относительного – группового, «партийного» – перед универсальным и общезначимым, а следовательно, и перед личностным, перед гуманистическим вообще. В общественном измерении это оборачивается «приватизацией» социального пространства, распадом некогда единого (в ценностном отношении) классического общества на неклассическое множество сообществ, часто друг от друга изолированных. Беспредельная стихийная самоорганизация, между тем, оказывается ущербной и для самой человекомерной системы, в которой человеческое сознание отказывается от философствования как усматривания идеалов и полагания пределов самоорганизации целей и ценностей посредством их осознания и освоения.

И как раз потому, что, в-третьих, замыкание ценностного измерения социальной организации, сообщества или системы в рамках нескольких сравнительно частных уровней целеполагания приводит не к расцвету самоорганизации неявных целей и ценностей, противостоящих личностному сознательному целеполаганию, как это ещё недавно могло показаться исследователям, уставшим от идеалов и императивов и берущим за образец целеполагание в кибернетическом и синергетическом смысле, – а как раз наоборот, к внутрисистемному кризису: система заостеневает в своём развитии, утрачивает саму способность к самоорганизации. Иными словами, целью функционирования системы становится... поддержка и сохранение функционирования самой этой системы. Получается замкнутый круг, застой. Как в типичной ситуации застоя в обществе поздне-советского периода, метко обозначенной В. И. Шинкаруком как «идеология без идеалов» [13, с.292]: в отсутствие последних, идеология как система идей, призванная, по природе своей, раскрывать и конкретизировать идеалы посредством целеполагания на более низких уровнях иерархии, – а в данном случае, это идеалы оптимального общественного, экономического и политического устройства человечества, – система идеологии замыкается сама на себя, превращается в набор догм, которые ещё продолжают по инерции звучать в качестве ритуальных заклинаний, в том числе из уст «профессиональных» философов и общественных деятелей, но в реальности утрачивают какую бы то ни было жизненную силу: никто не стремится реализовывать отсутствующие и неосознаваемые идеалы, в «коммунистическую» идеологию никто уже не верит, за исключением разве что сознательных профессиональных карьеристов, преследующих цели, диаметрально противоположные указанным социальным идеалам, – а потому способных легко и безмятежно поменять эту идеологию на любую другую.

Исходя из последнего обстоятельства, неудивительно, что сегодняшняя ситуация ненамного отличается от описанной: к примеру, понятие «демократия», сменившее «коммунизм» в качестве обязательной наружной вывески для торговцев политическими товарами оптом и в розницу, столь же мало оказывается предметом глубокого философского осмысления и

сводится, в лучшем случае, к уровню процедур – ко всеобщим тайным выборам, к наличию институтов парламента, президента и т. д., вместо того, чтобы выступать в качестве идеала и служить мерилom обретения и построения оптимального устройства человеческого общества.

Примерно то же самое можно проследить не только в политике, но и в искусстве, и в науке. В последнем случае мы имеем то, что называется «кризисом науки как социального института», который, кстати говоря, вряд ли бы оказался возможным помимо кризиса целеполагания – кризиса науки как собственно системы познания. Когда наука утрачивает установку на поиск истины как свою наивысшую цель и саму истину как свою наивысшую ценность, как реально достижимый гносеологический идеал, – тогда-то оказывается, что в качестве действительной цели науки остаётся только функционирование науки как социального института: защита диссертаций, получение степеней, званий и тому подобные способы зарабатывания на хлеб и перевозки тачки с кирпичами из одной точки в другую, без какого-либо соотнесения с более высокими целями и ценностями. А в этой ситуации уже совсем не удивительно, что престиж научной деятельности падает, как и её значимость в глазах молодёжи: ведь жизненного «успеха» – всей совокупности вкладываемых в это понятие факторов, вроде карьерного роста, благосостояния, известности и др., – можно гораздо быстрее достичь в иных областях деятельности, прежде всего, таких как бизнес или политика.

То же самое происходит и в системе образования. Например, в вопросах реформирования системы высшей школы внимание участников современного дискурса фокусируется преимущественно на частных вещах, таких как механизмы реализации Болонского процесса, которые, как подчёркивает представитель киевской школы философии Л. В. Губерский, «несут лишь техническую нагрузку (ведь в конечном итоге какая разница – считать объём учебного времени в часах или кредитах, ставить оценку по 5-бальной или по 100-бальной шкале). Главное же – это цель образования, которая основывается на определённых мировоззренческих идеалах» [3, с.87]. Проблема же заключается как раз в том, что эти последние, – в свете которых только и обретают свой смысл все более частные методики и приёмы, – редко становятся предметом осмысления, что и влечёт за собой, кризис всей системы образования. Об этом же свидетельствует и другой исследователь этой проблемы, петербургский мыслитель А. С. Запесоцкий: дефект целеполагания приводит к деградации всей системы; даже в рамках самой школы цель педагогическая заменяется целью предпринимательской. «Цели формирования личности школой во многом утрачены. Но именно цель в педагогике является системообразующей. Напомним, что именно через цель воспитания осуществляется связь педагогики с философией. Именно цель обуславливает системное единство задач, содержания, форм, методов, условий, приемов (и проч.) воспитания. В отсутствие педагогической цели образование утрачивает системность, становится обучением, причем хаотичным. Размываются критерии качества, утрачивается опора на предшествующий отечественный и международный опыт, связь с педагогической наукой и т. д.» [6].

Человекомерная система, предоставленная самой себе, система, в которой цели и ценности всех уровней отданы во власть самоорганизации, таким образом, утрачивает высший смысл своего существования или, говоря языком синергетики, даже не свой аттрактор, а «суператтрактор». Этот термин вводит в своей синергетической теории ценностей один из лидеров петербургской школы философии науки В. П. Бранский [2, с.55], – что как раз и соответствует рассматриваемому в этой статье иерархическому подходу к философскому осмыслению целей и ценностей и указывает на более высокую ступень системного целеполагания, нежели та, которая традиционно соотносится с простым повышением саморегулирующейся системой уровня своей организации. От собственно аттрактора как неявной цели саморазвивающейся системы, высший идеал – суператтрактор, или всеобщая цель деятельности, как осознаваемая и осваиваемая ценность человеческой личности – отличается, прежде всего, своей открытостью, позволяющей нам изменять цели, формулируемые для более частных уровней. С. Б. Крымский именовал это обстоятельство «принципом экзистенциального крещендо»: это постоянный «выход за пределы самого себя к некоей верховной идеальной цели, которая задаётся изменяющейся совестью. Изменяющейся – в смысле возрастания требований» [9, с.291].

Следование идеалу – а не просто программам и не просто процедурам – позволяет нам заменять не только эти процедуры, но и тактику, и даже стратегию, если оказывается, что, например, избранная методика лечения болезни так и не приводит к желаемому результату. Если же конечной целью и ценностью врача является не здоровье пациента (а эта цель задана вне чисто врачебной практики и выступает общей ценностью и целью как для пациента, так и для доктора), а нечто более частное (и проистекающее уже от самого врача и от сообщества, в которое он входит: престиж, честь и традиции этого же сообщества, получение материального вознаграждения от пациента и т. п.), то у врача попросту не оказывается стимула и решимости

для изменения ошибочной стратегии или даже тактики лечения болезни.

Можно здесь провести аналогии и со сферой искусства. Скажем, «сверхзадача» К. С. Станиславского, подобно суператтрактору, также ориентирует актёра не просто на следование всему, сказанному автором, но и предполагает осознание и освоение того, что у автора пьесы не сказано открыто, но подразумевается или предполагается в качестве идеальной основы пьесы – да и всего творчества в целом. Кстати говоря, на примере психологии искусства убедительнее всего выясняется, что следование высшим идеалам оказывается более плодотворным, нежели исполнение программ и процедур, нежели преследование каких-либо конкретных целей менее универсального уровня. Так, по свидетельству представителя династии выдающихся психологов Д. А. Леонтьева: «В искусстве, как и вообще в сфере духа, в сфере смыслов, в сфере человеческих произведений нет заранее запрограммированных, обозначенных результатов. Можно ли представить себе Льва Толстого, который садится с задачей написать «Войну и мир», заранее знает, что будет на выходе? Известно, сколько раз Лев Толстой переписывал «Войну и мир», потому что он не знает точно, что должно получиться, его ведёт некоторый образ книги, но это никак не запрограммированный результат» [10, с.319]. Точно так же, в педагогике, говорит психолог, наиболее успешными оказываются те стратегии, которые не стремятся определить, что конкретно они хотят получить «на выходе» из школы. Разумеется, это означает не пренебрежение методами и правилами, а лишь осознание приоритета идеальных, универсальных ценностей перед частными, групповыми, ситуационными.

Таким образом, можно сделать некоторые *выводы* из проведённого исследования. Философское осмысление целей и ценностей человеческой жизнедеятельности приводит к рассмотрению их системы как иерархии, высшим уровнем которой оказываются идеалы, выступающие одновременно как воплощение и конечной цели всей деятельности, и фундаментальной ценности, определяющей особенности процесса целеполагания на низших уровнях иерархии. Субъектом целеполагания при этом выступает отдельная человеческая личность, осваивающая и осознающая те цели и ценности, которые предзаданы ей сообществом, историей и культурой человечества, и самоорганизации которых она, таким образом, полагает предел. Особенностью и основной проблемой сегодняшней ситуации, в значительной мере обуславливающей кризис, имеющий место в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности, является утрата человеком основной ценности, идеала, и подмена такового множеством эрзац-целей более низкого уровня иерархии. В такой ситуации утрачивается не только утрата универсального измерения и мировоззренческого кругозора, но и застыванием системы в замкнутом кругу поддержания собственного функционирования – вместо аппроксимации некоего суператтрактора как перехода на качественно иной уровень своего развития. Именно благодаря осознанию идеалов как предельной детерминанты жизнедеятельности, составляющему основной предмет философии, может оказаться возможной самоорганизация целей и ценностей, вся дальнейшая плодотворная жизнедеятельность человечества. Проблемам и перспективам актуализации идеального измерения целей и ценностей, прояснению роли человеческой личности и многообразия социальных сообществ в деле целеполагания могут быть посвящены дальнейшие исследования в духе темы, попытке обозначения которой была посвящена данная статья.

Бібліографічні посилання:

1. **Абишева А. К.** О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139–146.
2. **Бранский В. П.** Философский анализ понятия ценности / В. П. Бранский // Синергетическая теория ценностей : Коллективная монография / Под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. – СПб. : Изд-во «Лема», 2012. – С. 27–59.
3. **Губерский Л. В.** Философские основания современного образования: проблемы и перспективы / Л. В. Губерский // Сучасна українська філософія : традиції, тенденції, інновації : збірник наукових праць / Відп. ред. А. Є. Конверський, Л. О. Шашкова. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2011. – С. 77–87.
4. **Добронравова И. С.** Причинность в синергетике: спонтанное возникновение действующей причины / И. С. Добронравова // Спонтанность и детерминизм / В. В. Казютинский, Е. А. Мамчур, Ю. В. Сачков и др. – М. : Наука, 2006. – С. 212–224.
5. **Загороднюк В. П.** Целеполагание в практике, культуре, познании / В. П. Загороднюк. – К. : Наукова думка, 1991. – 172 с.
6. **Запесоцкий А. С.** Философия образования и проблемы современных реформ / А. С. Запесоцкий. – [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.gup.ru/events/news/rector/doklad.php>.
7. **Князева Е. Н.** Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева,

С. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 238 с.

8. **Копнин П. В.** Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования / П. В. Копнин. – М. : Наука, 1973. – 324 с.

9. **Крымский С. Б.** Сергей Крымский: наш разговор длиною в жизнь (цикл интервью Т. А. Чайки) / С. Б. Крымский, Т. А. Чайка. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 436 с.

10. **Леонтьев Д. А.** Возможны ли технологии развития человека? / Д. А. Леонтьев // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г. П. Белкина. – М. : Ленанд, 2012. – С. 318–324.

11. **Мелков Ю. А.** Противоречие морали и этоса в контексте развития общественной морали / Ю. А. Мелков // Соціальна етика: теоретичні та прикладні проблеми : Зб. статей. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2010. – С. 77–87.

12. **Стёпин В. С.** Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. – 408 с.

13. **Шинкарук В. І.** Вибрані твори : У 3 т. / В. І. Шинкарук. – К. : Український центр духовної культури, 2005. – Т. 3, Ч. 2. – 428 с.

14. **Шинкарук В. І.** Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения / В. І. Шинкарук, А. І. Яценко. – К. : Политиздат Украины, 1984. – 256 с.

15. **Яценко А. И.** Целеполагание и идеалы / А. И. Яценко. – К. : Наукова думка, 1977. – 276 с.

16. **Rescher N.** Value Matters: Studies in Axiology / Nicholas Rescher. – Heusenstamm : Ontos Verlag, 2004. – 140 p.

УДК 75.01:519.76

Д. А. Левченков

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ СЕМИОЗИС И ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Досліджується проблема сутності естетичного семіозису в образотворчому мистецтві. Автор пов'язує її з категорією художності, яка власне і визначає приналежність плодів творчого процесу до галузі мистецтва. Умовно виокремлені три рівня естетичного семіозису. Перший пов'язаний з принципом мімесіса, другий - з формою художнього твору, його структурою, третій - з символічним рівнем твору мистецтва, символічністю художнього образу як критерію художньої та естетичної значущості.

Ключові слова: естетика, семіотика, естетичний знак, естетичний семіозис, денотація, художність, художній образ, символ.

Исследуется проблема сущности эстетического семиозиса в изобразительном искусстве. Автор связывает ее с категорией художественности, которая собственно и определяет принадлежность плодов творческого процесса к области искусства. Условно выделены три уровня эстетического семиозиса. Первый связан с принципом мимесиса, второй – с формой художественного произведения, его структурой, третий – с символическим уровнем произведения искусства, символическостью художественного образа как критерия художественной и эстетической значимости.

Ключевые слова: эстетика, семиотика, эстетический знак, эстетический семиозис, художественность, художественный образ, символ.

Study the problem of the essence of the aesthetic semiosis in art. The author connects it to the category of artistry, which actually determines whether the fruits of the creative process of art. Divided into three levels of aesthetic semiosis. The first is the principle of mimesis, the second - with the form of art, its structure, and the third - with a symbolic level of a work of art, it is symbolic of the artistic image as a criterion of artistic and aesthetic value.

Keywords: aesthetics, semiotics, aesthetic sign, semiosis aesthetic, artistic, artistic image, symbol.

© Д. О. Левченков, 2012

На протяжении всей истории своего развития искусство искало средства, с помощью которых оно пыталось донести до слушателя, зрителя, читателя важные духовные смыслы. Процесс образования новых смыслов – это процесс постоянного производства знаковых средств, то есть, процесс семиозиса. Понятие семиозиса отсылает нас к семиотике и семиотическому методу. Семиотический метод в анализе изобразительного искусства применяли А.Г. Цирес, Н.И. Жинкин, А.Г. Габричевский, Н.М. Тарабукин, Ю.М. Лотман, У. Эко, и др. Однако